

**УЧАСТИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЕРАРХОВ
В ПОДГОТОВКЕ К АРХИЕРЕЙСКОМУ СОБОРУ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗА ГРАНИЦЕЙ 1926 г.**

*Работа представлена кафедрой истории Русской Православной Церкви
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, протоиерей Петр Иванов*

Статья посвящена церковной жизни русской эмиграции в Китае и рассказывает о проблемах, с которыми столкнулась Зарубежная Церковь после кончины св. Патриарха Тихона. При подготовке к Архиерейскому собору 1926 г. дальневосточные иерархи высказались по вопросам церковного управления за границей и одной из главных проблем общественно-политической жизни русского зарубежья – о престолонаследии.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, история русской эмиграции, история Дальнего Востока.

The article tells about the church life of Russian emigrants in China and those difficulties that the Russian Orthodox Church outside Russia was to face after St. Patriarch Tikhon's demise. In the course of preparation for the Council of Church Hierarchs (1926) the Far Eastern bishops spoke on the subject of church management abroad and one of the most important problems of social and political life of expatriate Russian people – succession to the throne.

Key words: Russian history, history of Russian emigration, Far Eastern history.

После Архиерейского собора 1924 г., на котором были отклонены предложения как об автокефалии Русской Православной Церкви за границей, так и о передаче Зарубежному Синоду функций Всероссийской Церковной Власти, по-прежнему сохранялось единство заграничной части Русской Церкви с Московской Патриархией. Однако уже в 1925 г. после кончины святого Патриарха Тихона Зарубежная Церковь вновь оказалась перед пробле-

мой изменений в церковном управлении. После избрания российскими иерархами Местоблюстителя Патриаршего Престола, которым стал митрополит Крутицкий Петр (Полянский), за границей началось обсуждение вопроса о признании его прав на Местоблюстительство. Причины недоверия, возникшего у зарубежных иерархов по отношению к митрополиту Петру, лежали в предшествовавших его избранию событиях.

Русская Православная Церковь на Родине продолжала подвергаться ожесточенным гонениям. 9 декабря 1924 г. во время бандитского нападения на Патриарха Тихона был убит его келейник Яков Михайлович Полозов. Вскоре после трагедии 7 января 1925 г. в день Рождества Христова святитель составил «Завещательное распоряжение» о преемстве Высшей Церковной Власти, согласно которому в случае его кончины патриаршие права и обязанности до законного выбора Патриарха должны были перейти к одному из трех указанных в распоряжении кандидатов. Первым стояло имя митрополита Казанского Кирилла (Смирнова), вторым был назван митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), третьим – митрополит Крутицкий Петр (Полянский).

Участник Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., магистр богословия, с 1906 г. занимавший различные посты в Учебном комитете и Училищном совете при Святейшем Синоде, Петр Федорович Полянский в 1920 г. согласился на предложение Патриарха принять монашество, священство и епископство. В октябре 1920 г. в возрасте 58 лет он был хиротонисан во епископа Подольского, викария Московской епархии. Вскоре после рукоположения епископ Петр был арестован и сослан в г. Великий Устюг. В 1923 г. он вернулся из ссылки в Москву и был возведен в сан архиепископа. С 1924 г. – митрополит Крутицкий.

В марте 1925 г., когда тяжелобольной Патриарх находился в больнице, митрополит Петр возглавлял церковную сторону на переговорах между Синодом и властями, требовавшими от святителя Тихона издать послание, в котором он должен был признать советскую власть, призвать верующих к ее поддержке, осудить всякую антисоветскую деятельность и безоговорочно отмежеваться от зарубежного духовенства. В результате этих трудных переговоров был выработан проект

патриаршего послания «об отношении к существующей государственной власти». По убеждению отдельных авторов окончательный текст документа был подписан святителем в день кончины 7 апреля 1925 г., однако современные исследователи смогли доказать, что послание «никогда не было подписано Патриархом и не может быть признано подлинным» [7, с. 208–209; 15, с. 297].

12 апреля 1925 г., согласно распоряжению св. Патриарха Тихона о преемстве Высшей Церковной Власти, митрополит Крутицкий Петр (Полянский), как единственный из трех указанных в завещательном распоряжении кандидатов, находящийся на свободе, был утвержден в должности Местоблюстителя Патриаршего Престола. Акт о вступлении его в должность подписали почти все иерархи, присутствовавшие при погребении святителя (61 подпись). 15 апреля 1925 г. в газете «Известия» был опубликован утвержденный властью вариант послания Патриарха «об отношении к существующей государственной власти», якобы подписанного им в день кончины, и озаглавленный газетчиками как «Предсмертное завещание Тихона». В части, касающейся зарубежного духовенства, в послании говорилось:

«Они вольны в своих убеждениях, но они в самочинном порядке и вопреки канонам нашей церкви действуют от нашего имени и от имени святой церкви, прикрываясь заботами о ее благе. Не благо принес церкви и народу так называемый Карловацкий собор, осуждение коего мы снова подтверждаем, и считаем нужным твердо и определенно заявить, что всякие в этом роде попытки впредь вызовут с нашей стороны крайние меры, вплоть до запрещения в священнослужении и предания суду собора. Во избежании тяжких кар мы призываем находящихся за границей архипастырей и пастырей прекратить свою политическую с врагами нашего народа деятельность и иметь мужество вернуться на родину и ска-

зать правду о себе и о церкви божией» [13, с. 411].

В следственном деле св. Патриарха Тихона содержится первый проект этого документа. Одним из важнейших его пунктов являются не угрозы и предупреждения, а конкретные прещения в отношении зарубежных иерархов с упоминанием десяти имен. Далее стоит «и других», что, по-видимому, означало возможность пополнения списка. В данном варианте деятельность названных архиереев подлежала «строжайшему расследованию для предания их суду», и до окончания дела все они запрещались в священнослужении [13, с. 405]. В окончательном варианте текста первоначальных прещений уже нет. Осталось лишь поручение особой комиссии «обследовать деятельность бежавших за границу архипастырей и пастырей и в особенности митрополитов Антония бывшего Киевского, Платона бывшего Одесского, а также и др.» и угроза судить их заочно за отказ подчиниться призыву «дать ответ церковному православному сознанию». В обоих вариантах послания были и такие слова Патриарха: «Мы объявляем за ложь и соблазн все измышления о несвободе нашей, поелику нет на земле власти, которая могла бы связать нашу святительскую совесть и наше патриаршее слово» [13, с. 412].

Тем не менее за границей послание Патриарха было воспринято как подложное. 18 апреля / 1 мая 1925 г. глава РПЦЗ митрополит Антоний (Храповицкий) обратился к пастве с призывом не смущаться содержанием патриаршего «завещения», поскольку, как писал митрополит, «документ этот несомненно поддельный» и готовился «не для завещения и, конечно, не свободно» [8, с. 188–189]. Публикация послания Патриарха вызвала отрицательную реакцию и среди обновленцев, стремившихся очернить память почившего святителя и вызвать недоверие к митрополиту Петру. В то же время после кончины Патриарха обновленцы надеялись

на победу через объединение с «тихоновской» Церковью. В 1925 г. они начали подготовку к намечавшемуся на осень новому живоцерковному «собору», на котором предполагалось выработать предложения о примирении. 11 апреля 1925 г. обновленческий синод выступил с обращением к служителям Церкви и народу, в котором призвал пастырей «отложить пререкания» и «миролюбиво подготовить свои паствы» к предстоящему «собору» [16]. Однако несмотря на то что их призывы к переговорам вызвали у части священнослужителей примиренческие настроения, большинство православных по-прежнему оставались на позиции твердого противления обновленчеству. Расчет советской власти на сговорчивость в этом вопросе митрополита Петра также не оправдался. 28 июля 1925 г. было обнародовано первое послание Местоблюстителя всероссийской пастве, в котором отклонялась всякая возможность переговоров с обновленцами. Каждый уклонившийся мог вернуться в лоно Православной Церкви только при условии отречения от своих заблуждений и должен был принести всенародное покаяние в своем отпадении от Церкви [4, с. 420].

Между тем за границей обсуждался вопрос: признавать ли митрополита Петра Местоблюстителем. Через два дня после кончины св. Патриарха Тихона Зарубежный Синод решил провести опрос архиереев о возможных действиях на случай, если советская власть будет препятствовать законному Местоблюстителю в осуществлении его прав и обязанностей. Опубликованные в газетах документы российской иерархии – подписанный 12 апреля 1925 г. акт о признании Митрополита Крутицкого Петра Местоблюстителем Всероссийского Патриаршего Престола и первое послание Местоблюстителя – были заслушаны на заседании Синода 3/16 сентября 1925 г. На этом же заседании член Синода епископ Екатеринославский Гер-

моген (Максимов) выступил с докладом, в котором заявил, что к акту российских иерархов «надо отнестись очень осторожно, так как по священным канонам Святейший Патриарх Тихон не имел права указывать себе заместителей»*. Епископ Гермоген в своем докладе высказал следующее мнение: «Само завещание Свят[ейшего] Патриарха Тихона наводит на некоторые мысли. Почему Святейший указал в свои заместители именно митрополитов Кирилла и Агафангела, о которых он заведомо знал, что они не могут вступить в управление Российской Церковью, как находящиеся в ссылке, а затем уже третьим указал митрополита Петра. Получается впечатление, что из множества других епископов старейших и более достойных, чем митрополит Петр, Свят[ейший] Патриарх Тихон нарочито указал на митрополитов Кирилла и Агафангела, чтобы провести в Местоблюстителе митрополита Петра, принявшего духовное звание лишь в 1921 году и никому, и ничем не известного как святитель, и не имевшего никакого авторитета в мирском звании. Это обстоятельство вызывает сомнение, не подложно ли само завещание Свят[ейшего] Патриарха Тихона и не проявляется ли в этом акте работа врагов Церкви» [2, л. 18].

Сомнения вызвали и подписи иерархов, большинство которых были нового рукоположения и зарубежным архиереям были неизвестны. Кроме того, Зарубежный Синод ждал окончания работы обновленческого лже-собора, поскольку не знал, как отнесется Местоблюститель к предложениям обновленцев о примирении [2, л. 24].

Учитывая все эти обстоятельства и, самое главное, то, что акт о признании митрополита Петра Местоблюстителем стал известен за границей только из газет, никаких официальных сведений на тот момент получено не было, Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей постановил представить этот

вопрос «как касающийся всей Российской Церкви» на рассмотрение Архиерейского собора, который предполагалось созвать в ближайшее время [2, л. 19]. Однако в 1925 г. собор так и не состоялся, а Зарубежный Синод по-прежнему медлил с признанием митрополита Петра.

По свидетельству главы РПЦЗ митрополита Антония (Храповицкого), на последующее решение зарубежных иерархов о признании Местоблюстителем повлияло известие, полученное от одного из проживавших за границей архиереев. В письме митрополиту Евлогию (Георгиевскому) от 17/30 августа 1926 г. митрополит Антоний писал: «Вы обвиняете Синод, что он не сразу признал митрополита Петра Местоблюстителем. Да. Совершенно верно. Но к тому были основания канонические. Мы не имели достоверных сведений о вступлении митрополита Петра в Местоблюстительство. По газетам, где печаталось и подложное завещание Свят[ейшего] Патриарха Тихона, да еще за скрепой митрополитов Петра и Тихона, подобные акты не принимаются. Но как только мы получили послание митрополита Петра из достоверных рук от одного из зарубежных пограничных с Россией иерархов, немедленно, в первом же заседании Синода, он был признан Местоблюстителем» [10, с. 188].

Сохранившиеся в архиве Зарубежного Синода документы говорят о том, что послание митрополита Петра прислали в Синод два иерарха. На заседании 30 октября / 12 ноября 1925 г. обсуждалось письмо архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера), приславшего заверенные им копии не только первого послания Местоблюстителем, но также его известительного обращения о вступлении в Местоблюстительство и акта российских иерархов. Рассмотрев документы, Синод остался при прежнем решении отложить окончательное признание Местоблюстителем до Архиерейского собора. Но так как

срок созыва собора затягивался, было принято определение о временном признании митрополита Петра и сделано распоряжение об оглашении его послания в заграничных церквях с добавлением, что призыв к повиновению существующей в России власти не может относиться к чадам заграничной Русской Православной Церкви. Утверждение признания состоялось на соборе 1926 г. в июне месяце.

Вскоре в Зарубежный Синод пришло второе письмо с текстом послания Местоблюстителя. Прислано оно было из Китая от епископа Камчатского Нестора (Анисимова) и датировано 11 октября 1925 г. [6, с. 255–256]. Обращаясь лично к митрополиту Антонию, владыка сообщал о получении им подлинника послания, присланного неким священником из Москвы его духовной дочери – известной благотворительнице Елизавете Николаевне Литвиновой. Передавая в Синод текст документа, владыка писал:

«Послание написано просто и хорошо, а принимая во внимание все неблагоприятные условия, в коих приходится жить и вести церковный корабль среди бушующих волн Совдепии и врагов Православия – оно написано и смело. (Деян. Ап. IV, 18–19) и (1-е Петр. 2, 12–14).

[Да и что другое можно там сказать?

Самое же главное почему-то за границей все считают Митр[ополита] Петра соглашателем с живцами и пр., но теперь это послание рассеивает все сомнения и смущения. Поделитесь Вашим взглядом на это послание]».

Вместе с письмом епископ Нестор прислал главе Зарубежного Синода альбом своего детища – Клуба ревнителей и сестричества, организованного им в Харбине, и просил благословить дальнейшую работу «ради спасения русских страдальцев и несчастных детей» [3, л. 115]. Заслушав письмо камчатского епископа, на заседании 3/16 января 1926 г. Синод принял решение благодарить владыку за орга-

низацию Клуба и благословить его дальнейшую деятельность. Об этом владыке было отправлено ответное письмо, подписанное митрополитом Антонием.

В середине апреля 1926 г. проживавшие в Китае епископы получили очередное послание от Заграничного Синода с вопросами, предлагавшимися к обсуждению на Архиерейском соборе, созыв которого намечался на май месяц. В письме, адресованном зарубежным иерархам, не имевшим возможности лично присутствовать на соборе, указывалось на необходимость подтвердить существование нынешней формы управления Русской Православной Церкви за границей во главе с митрополитом Антонием и выражалось пожелание предоставить последнему свой голос на соборе. Программа собора прилагалась. Первым пунктом в ней значился доклад о состоявшемся признании митрополита Петра Местоблюстителем Патриаршего Престола. В документах собора по этому вопросу содержатся отзывы шести преосвященных, из них 4 – от проживавших в Китае. Положительные ответы прислали архиепископ Харбинский Мефодий (Герасимов) и епископ Забайкальский Мелетий (Заборовский). Архиепископ Пекинский Иннокентий (Фигуровский) высказал следующее мнение: «Едва ли можно рассуждать по сему вопросу, так как Церковь Русская лишена возможности управляться самостоятельно. Митрополит Петр в тюрьме, очень возможно, что и митрополит Сергей** передаст полномочия третьему лицу» [2, л. 301]. Это мнение начальника Пекинской Миссии поддержал и его викарий – епископ Шанхайский Симон (Виноградов). И наконец, епископ Камчатский Нестор (Анисимов) высказался о признании митрополита Петра еще ранее, в своем письме от 11 октября 1925 г.

Второй пункт программы собора касался общих вопросов по управлению Русской Православной Церковью и отношения

заграничных иерархов к возможности передачи прав главы всей Русской Церкви митрополиту Антонию. В этом вопросе архиепископ Иннокентий настаивал на передаче прав Первоиерарха главе Зарубежного Синода, тогда как архиереи, проживавшие в Харбинской епархии (архиепископ Мефодий, епископ Мелетий, епископ Нестор), выразили подчинение Синоду и высказались за сохранение связи с Всероссийской Церковной Властью.

Наиболее ясно это мнение было представлено в письме епископа Нестора: «Структуру же и организацию всего управления Русской Православной Церкви Заграницей я мыслил именно в их настоящем виде с Архиерейским Синодом и собором, во главе с митрополитом Антонием, и с каноническим подчинением Всероссийской Церковной власти Местоблюстителя Патриарха. В случае же, если безбожная большевистская власть лишит митрополита Петра, или заместителей, им законно назначенных, малейшей возможности возглавлять Российскую Православную Церковь, я мыслил бы представительство Всероссийской Православной Церкви в лице митрополита Антония с Православным Синодом» [6, с. 258].

В 1926 г. приближался к своей трагической развязке конфликт Зарубежного Синода с митрополитом Евлогием (Георгиевским), предъявившим права на управление приходами РПЦЗ, и поэтому вопрос о поддержке зарубежным епископатом существующей высшей церковной власти за границей стоял наиболее остро. Как это часто бывает, разрыв отношений между противостоящими сторонами произошел по, казалось бы, незначительной причине. На заседании собора 28 июня был изменен порядок обсуждения вопросов, и стоявший в начале повестки пункт о пересмотре взаимоотношений Синода и возглавляемой митрополитом Евлогием Западно-Европейской епархии оказался последним. Митрополит Евлогий увидел в этом желание Си-

нода сначала использовать его для совместных постановлений, а потом уже поставить вопрос о Западно-Европейской епархии. Он выступил с требованием изменить порядок повестки, который и был изменен после голосования. Однако на следующий день епископ Берлинский Тихон отказался от своего голоса, и вопрос о Западно-Европейской епархии вновь оказался последним. Митрополит Евлогий выразил протест и покинул собор, сказав, что виновником инцидента считает своего викария. В ответ собором был составлен Акт, в котором осуждались «антиканонические и антидисциплинарные действия» митрополита Евлогия. В свою очередь митрополит Евлогий отдал распоряжение подведомственным ему церквам не исполнять указаний Архиерейского Собора и Синода. Таким образом, в Зарубежной Церкви сформировались два самостоятельных церковных управления, вернее, произошло разделение, или, как его иногда называют, «евлогианский раскол».

Зарубежный Синод вынужден был уведомить о конфликте иерархов, которые не имели возможности лично участвовать в работе собора. Соответствующие документы были получены и в Харбине. Митрополит Антоний прислал на имя архиепископа Мефодия письмо и отчет о результатах работы собора с приложением окружного послания главы РПЦЗ и его обращения к викариям Западно-Европейской епархии, в котором они призывались не принимать участия в предполагавшемся Епископском совещании во главе с митрополитом Евлогием. Для предотвращения церковной смуты и укрепления существующей церковной власти за границей в лице Архиерейского собора и Синода всем преосвященным предлагалось присоединиться к окружному посланию и акту собора, осудившего действия митрополита Евлогия, и указывалось на необходимость сделать это в срочном порядке, предварив письменное сообщение телеграммой.

При подготовке к Архиерейскому собору 1926 г. дальневосточные архиереи должны были дать ответ еще на один крайне важный для русской эмиграции вопрос, а именно – о разрешении общественного моления за великого князя Кирилла Владимировича как за императора.

В 1926 г. одним из главных событий в общественно-политической жизни русской эмиграции стал Российский Зарубежный съезд, явившийся последней попыткой объединения всех антибольшевистских национальных сил в борьбе за освобождение России от большевизма. Съезд состоялся с 4 по 11 апреля 1926 г. в Париже при участии 400 делегатов, представителей русских диаспор из 26 стран. Инициаторами и самыми активными его участниками были монархисты всех толков за исключением так называемых «легитимистов», видевших в лице великого князя Кирилла Владимировича законного русского царя.

Старейший член Дома Романовых великий князь Кирилл Владимирович – сын великого князя Владимира Александровича (сына императора Александра II) и двоюродный брат императора Николая II – в 1907 г. в связи с вступлением в брак, нарушавший законы империи и церковные каноны***, был лишен (вместе с возможным потомством) права на престолонаследие. После февральского переворота 1917 г. он перешел на сторону революции, но уже в июне того же года уехал с семьей в Финляндию и затем в Германию.

В 1922 г. великий князь объявил себя «Блюстителем Государева Престола», что вызвало несогласие большинства членов Дома Романовых. В ноябре 1923 г. он вынужден был отказаться от звания Блюстителя, и таковым оставалась вся Семья, возглавляемая вдовствующей императрицей Марией Феодоровной. Вопрос о престолонаследии отлагался до возвращения в Россию. Однако уже в августе 1924 г. Кирилл Владимирович издал манифест, в

котором объявлял себя единственным законным правопреемником Российского Императорского Престола и присваивал себе титул Императора Всероссийского. Американский историк Д. Стефан утверждает, что к этому шагу подтолкнуло великого князя честолюбие его жены. В ответ на манифест вдовствующая императрица Мария Феодоровна ответила заявлением от 21 сентября / 4 октября 1924 г., в котором говорила о преждевременности появления нового императора. В ней еще не угас последний луч надежды на то, что ее сыновья и внук живы. В то же время императрица писала:

«Боюсь, что этот манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России.

Если же ГОСПОДУ БОГУ по ЕГО неисповедимым путям, угодно было призвать к СЕБЕ МОИХ возлюбленных СЫНОВЕЙ и ВНУКА, то Я полагаю, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР будет указан НАШИМИ ОСНОВНЫМИ ЗАКОНАМИ, в союзе с ЦЕРКОВЬЮ ПРАВОСЛАВНОЮ, совместно с РУССКИМ НАРОДОМ.

Молю БОГА, чтобы ОН не прогневался на НАС до конца и скоро послал НАМ спасение путями, ЕМУ только известными» [11, с. 75].

Одновременно с изданием манифеста Кирилл Владимирович обратился с посланием к главе Зарубежного Синода, в котором испрашивал благословения на свое служение Родине в качестве государя. Тогда же в Синод начали поступать обращения некоторых монархических организаций и отдельных лиц с просьбой разрешить духовенству помянуть Кирилла Владимировича как императора, его жену как императрицу, а сына как цесаревича. Осенью 1924 г. эти документы были представлены на соборное обсуждение. Зарубежные иерархи единогласно постановили считать издание манифеста великого князя неблаговременным. В собор-

ном постановлении указывалось, что Архиерейский собор не является голосом всей Российской Церкви и потому не вправе решать вопрос о признании кого бы то ни было императором, а также на то, что «Церковь может дать свое благословение на вступление на престол всероссийский, только зная волеизъявление на сие всего русского народа» [7, с. 207]. 10 голосами против 4 не было утверждено и прошение о поминании Кирилла Владимировича, его супруги и наследника как императора и его семьи. Таким образом, в 1924 г. Зарубежный Синод поддержал вдовствующую императрицу и не считал возможным преподать церковное благословение на принятие великим князем Кириллом Владимировичем императорского титула.

Поскольку права на престол и репутация Кирилла Владимировича были сомнительными, его притязания отвергло и большинство монархистов. По их убеждению возглавить русское национальное движение мог только великий князь Николай Николаевич, пользовавшийся в среде эмигрантов непререкаемым моральным авторитетом. После эвакуации из Крыма в апреле 1919 г. великий князь Николай Николаевич жил в Италии и затем во Франции. Ходатайства о возглавлении им движения по освобождению России от большевизма начали поступать к нему с 1920 г., и число их ежегодно увеличивалось. После издания Кириллом Владимировичем своего манифеста под давлением различных общественных и политических групп великий князь Николай Николаевич согласился включиться в работу по объединению русской патриотической эмиграции и в декабре 1924 г. принял пост Верховного Главнокомандующего всеми российскими воинскими формированиями Русского зарубежья. О своем личном участии в освободительном движении великий князь Николай Николаевич сказал в беседе с американским корреспондентом на Пасхе 1924 г.:

«Вы спрашиваете, как я отношусь к призыву моих соотечественников стать во главе движения во имя освобождения России? Каждый день я получаю самые трогательные доказательства доверия. Я ничего не ищу для себя и, как старый солдат, могу только сказать, что я готов отдать все свои силы и жизнь на служение Родине. Но стать во главе национального движения я сочту возможным только тогда, когда убежусь, что наступило время и возможность для принятия решения в соответствии с чаяниями русского народа» [12, с. 200–203].

В отличие от Николая Николаевича великий князь Кирилл Владимирович видел возможность предпринимать будущее России вне пределов Отечества и без участия самого русского народа, что привлекало к нему все больше сторонников. На заседании Зарубежного Синода 12 марта 1926 г. вновь было заслушано ходатайство разных лиц и отдельных групп о разрешении общественного моления за Кирилла Владимировича как за императора, в связи с чем было принято постановление вынести вопрос на обсуждение очередного Архиерейского собора и запросить мнения архиереев при рассылке им программы собора [2, л. 83].

К этому времени больше всего сторонников Кирилла Владимировича по-прежнему было в Германии и Венгрии. Дальний Восток оставался верным Николаю Николаевичу. Об этом свидетельствует ответ епископа Камчатского Нестора на запрос Заграничного Синода о настроениях эмигрантского общества на Дальнем Востоке по отношению к притязаниям объявившего себя императором Кирилла Владимировича. В письме от 7/20 апреля 1926 г. владыка писал:

«В ответ на запрос Ваш за № 442 от 17–30 марта с. г. о поминании Великого Князя Кирилла Владимировича, как Императора, хотя бы и по просьбе лиц, считающих Его таковым, имею долг сооб-

пить, что по нашим наблюдениям ни в Маньчжурии, ни вообще на Дальнем Востоке провозглашение Великого Князя Кирилла Владимировича себя Императором не пользуется сочувствием, ибо народ ждет в этом важном и серьезном деле указаний Свыше. Небольшая кучка людей, это провозглашение приивших, состоит главным образом из людей, имевших в прошлом то или иное к Великому Князю, Кириллу Владимировичу, отношение. Таким образом, в представлении массы населения, сам провозгласивший себя Императором Великий Князь, не является таковым, и поминание Его, как Императора, могло бы вызвать только смущение и недоумение большинства Русских людей» [6, с. 257].

В 1926 г. Архиерейский собор РПЦЗ на первом своем заседании 16/29 июня принял решение: на основании постановления от 5/18 октября 1924 г. (об отношении к распоряжениям Святейшего Патриарха Тихона, касающихся заграничной Русской Церкви, и невыполнении тех из них, которые заграничные иерархи признают исходящими под давлением безбожной власти), «разрешить в нарочитые дни и по особым случаям, по просьбе признающих великого князя Кирилла Владимировича императором Всероссийским, поминовение его и его семьи, как Благоверного государя и великого князя» [1, л. 61].

Возможно, что на решение Синода повлияло мнение митрополита Антония (Храповицкого), с самого начала признававшего Кирилла Владимировича законным императором. В 1929 г. в воззвании по случаю пятилетия обнародования манифеста 1924 г. митрополит Антоний писал, что не спешил заявлять о своем подданстве новому государю по причине ожидания «как заявит себя в этом смысле признанный ... ранее Верховный Вождь русского народа и русского воинства великий князь Николай Николаевич» [9, с. 262].

Николай Николаевич, так же как и большинство членов Династии, по-преж-

нему считал своим долгом «стоять вне всяких партий, союзов и политических агитаций, в какой бы форме они ни проявлялись» и неоднократно высказывал убеждение, что «будущее устройство ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО может быть решено только на РУССКОЙ ЗЕМЛЕ, в соответствии с чаяниями РУССКОГО НАРОДА» [11, с. 72, 75]. Такая позиция многим казалась все более неприемлемой, поскольку положение в России не оставляло надежд на какие-либо перемены, которые дали бы русскому народу выразить свои чаяния о восстановлении в стране монархии. Поэтому после кончины в 1929 г. великого князя Николая Николаевича митрополит Антоний официально признал Кирилла Владимировича императором, вследствие чего ряды легитимистов пополнились и окрепли.

Таким образом, на Архиерейском соборе 1926 г. главными вопросами, в обсуждении которых участвовали дальневосточные иерархи, были:

- 1) вопрос о признании митрополита Крутицкого Петра (Полянского) Местоблюстителем Патриаршего Престола;
- 2) общие вопросы церковного управления;
- 3) о разрешении общественного моления за великого князя Кирилла Владимировича как за императора.

В связи с вопросом о признании Местоблюстителя Патриаршего Престола следует указать причины, вызвавшие недоверие Зарубежного Синода к состоянию церковного управления в России и лично митрополиту Петру: 1) митрополит Петр был архиереем нового рукоположения и поэтому почти неизвестен за границей как иерарх; 2) зарубежные епископы не знали, каким было его отношение к обновлениям, даже когда появилось первое послание Местоблюстителя, обозначившее его позицию, поскольку 3) акт российских иерархов о признании митрополита Петра Местоблюстителем и его пер-

вое послание были известны только из газет; 4) вызывали сомнения как подписи иерархов под актом о признании, так и само завещание Первосвятителя; 5) за границей не знали как отнесется митрополит Петр к предложениям обновленческого «собора» о примирении с «тихоновской» Церковью.

Такое положение сохранялось до осени 1925 г. Поворотным событием, изменившим взгляд зарубежных иерархов на вопрос о правах митрополита Петра на Местоблюстительство, стало получение Зарубежным Синодом письма архиепископа Рижского Иоанна (Поммера), приславшего заверенные копии акта российских иерархов и послания Местоблюстителя. После временного признания Местоблюстителя и оглашения его послания в заграничных церквях Зарубежный Синод постановил отложить окончательное решение вопроса до очередного Архиерейского собора, который состоялся в 1926 г. Утверждение признания митрополита Петра (Полянского) Местоблюстителем Патриаршего Престола состоялось на первом же рабочем заседании собора 26 июня 1926 г.

Вопрос о признании Местоблюстителя обсуждался за границей больше года. За этот период в числе первых, кто признал права митрополита Петра, оказался проживавший в Харбине епископ Камчатский Нестор (Анисимов). Мнения

остальных дальневосточных иерархов разделились: архиереи, проживавшие в Харбине, архиепископ Харбинский Мефодий (Герасимов) и епископ Забайкальский Мелетий (Заборовский), поддержали епископа Нестора и единогласно признали Местоблюстителя, тогда как глава Пекинской Миссии архиепископ Иннокентий (Фигуровский) и его викарий епископ Симон (Виноградов) воздержались. Их мнение было высказано в связи с обсуждением на соборе вопроса о возможности передачи митрополиту Антонию прав главы Русской Православной Церкви. Если архиепископ Иннокентий настаивал на передаче прав Первоиерарха главе Зарубежного Синода, то харбинские архиереи, выражая подчинение Синоду, высказывались за сохранение связи с Всероссийской Церковной Властью.

В 1926 г. Зарубежный Синод вынужден был дать ответ на один из самых главных вопросов общественно-политической жизни русского зарубежья, поднятый монархическими организациями, – вопрос о престолонаследии. Синод во главе с митрополитом Антонием (Храповицким) сделал уступку легитимистам – монархической группе, признавшей великого князя Кирилла Владимировича Романова новым Всероссийским императором. В то же время отдельные иерархи РПЦЗ, в их числе епископ Камчатский Нестор (Анисимов), такой позиции не придерживались.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Церковный историк и канонист прот. В. Цыпин поясняет: «76-е Апостольское правило воспрещает епископам назначать себе преемников. Этот запрет распространяется и на Первосвятительскую кафедру Поместной Церкви, но Русская Церковь уже в течение восьми лет жила в небывалых условиях, которые не могли быть вполне предусмотрены в древних церковных законоположениях... Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг. ... предусмотрел возможность ужесточения давления на Церковь и определил, что в случае прекращения деятельности Священного Синода и Высшего Церковного Совета Патриарх сосредоточит в своих руках всю полноту власти, включая и право назначать и своего преемника – Местоблюстителя Патриаршего Престола... Патриарх, исполняя волю Собора, назначил кандидатов в Местоблюстители без оглашения их имен на пленарном заседании Собора» [21, с. 5].

** Митрополит Сергей (Страгородский) – Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола.

*** Великий князь Кирилл Владимирович Романов был женат на своей двоюродной сестре, немецкой принцессе Виктории-Мелите Саксен-Кобургской (в православии Виктория Феодоровна).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 6.
3. ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 233.
4. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943: Сб. в 2 ч. / Сост. М. Е. Губонин. М.: ПСТБИ: Братство во имя Всемилоственного Спаса, 1994. 1064 с.
5. Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова): В 2 т. / Авт.-сост. О. В. Косик. М.: ПСТГУ, 2005. Т. 1. 607 с.
6. Вернувшийся домой: Жизнеописание и сборник трудов митрополита Нестора (Анисимова): В 2 т. / Авт.-сост. О. В. Косик. М.: ПСТГУ, 2005. Т. 2. 576 с.
7. *Кострюков А.* Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов: Организация церковного управления в эмиграции. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 398 с.
8. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк: Изд-е Северо-Американской и Канадской епархии, 1960. Т. 6. 318 с.
9. *Никон (Рклицкий), архиеп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк: Изд-е Северо-Американской и Канадской епархии, 1962. Т. 9. 352 с.
10. Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль: Тип. преп. Иова Печерского; Свято-Троицкий монастырь, 1988. 280 с.
11. Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М.: Владос, 1999. 776 с.
12. Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: Документы и материалы / Под общ. ред. А. И. Солженицына. М.: Русский путь, 2006. 848 с.
13. Следственное дело Патриарха Тихона: Сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 1016 с.
14. *Цыпин В., прот.* Русская Церковь 1925–1938. М.: Изд. Сретенского монастыря, 1999. 430 с.
15. *Сафонов Д. В.* К вопросу о подлинности «Завещательного послания» св. Патриарха Тихона // Богословский вестник. 2004. Т. 4. № 4. С. 265–311.
16. Священный Синод православной Российской Церкви архипастырям и пастырям и всем верным чадам Церкви православной // Вестник Священного Синода православной Российской Церкви. 1925. № 2. С. 2.